

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ПОНИМАНИЯ КАТЕГОРИИ СОБИРАТЕЛЬНОСТИ

З'ясовуються філософські засади розуміння специфіки імен, які можуть сприйматися як «збірні», завдяки чому встановлюються межі категорії збірності як особливого мовного класу; теоретично обґрунтовується, чому велика кількість людей, тварин, рослин та речей, що позначаються незчисленними іменами множинності, репрезентуються мовою так, як би вони не мали окремих елементів. Підкреслюється, що збірні іменники, що узагальнюють ознаки класу, набувають здатності відноситись до усього класу і до кожного з елементів класу.

Выявляются философские основы понимания специфики имен, которые могут пониматься в качестве «собираательных», и тем самым устанавливаются границы категории собирательности как особого языкового класса; теоретически обосновывается, почему множества людей, животных, растений и вещей, обозначаемые неисчисляемыми именами множества, представляются языком так, как если бы они не имели отдельных элементов. Подчеркивается, что собирательные существительные, обобщая признаки класса, приобретают способность прилагаться ко всему классу и к каждому из элементов класса.

Philosophical principles of understanding of specific features of the names which can be perceived as the collective ones are cleared up, due to what the limits of category of collectiveness are set as the special linguistic class; it is theoretically grounded, why plenty of people, animals, plants and things, which are indicated by the countless names of great number, appear in the language as if they did not have separate elements. It is underlined that collective nouns which summarize the signs of class, acquire capabilities to belong to the whole class and to each of the elements of class.

Цель данной статьи – выявить философские основы понимания специфики имен, которые могут пониматься в качестве «собираательных», и тем самым установить границы категории собирательности как особого языкового класса. Объяснить, почему множества людей, животных, растений и вещей, обозначаемые неисчисляемыми именами множества, представляются языком так, как если бы они не имели отдельных элементов.

Проблема обобщенности языковых выражений имела место еще в древнегреческой философии. Платон, например, писал: «...для каждого множества вещей, обозначаемого одним именем, мы обычно устанавливаем только один определенный вид» [5, с. 422]. Действительно, обобщая признаки класса, слово приобретает способность прилагаться ко всему классу и к каждому из элементов.

Общность имени прежде всего должна проявляться в его отнесенности к объектам дискретным, исчисляемым, способным в языковом представлении образовывать множества. В качестве основного из значений, выражающих отдельность денотатов, оправданно определить сему дискретности. Общие имена, трактуемые как свободно исчисляемые существительные, могут быть отождествлены с именами конкретными – «соединенного вместе». Именно по признаку дискретности выделяется языковая категория общих имен. Конкретное имя представляет денотат как целостный, исчисляемый. Они занимают центральное положение в системе имени. Тогда имена лишённые исчисляемости не являются типичными именами, т. е. обладают теми или иными свойствами других универсальных семантических категорий.

Достаточно хорошо изученная категория неопределенной множественности предметов представлена бинарной оппозицией один предмет / (неопределенное) множество таких же предметов. Ведущим средством выражения значений единичности/множественности является категория числа существительных. Существительные единственного числа обозначают количество предметов равное единице. Те же существительные во множественном числе обозначают некоторое дискретное множество предметов с числом $1 + n$, n – не равно нулю. Специфика дискретного множества предметов заключается в том, что оно не обладает какой-либо качественной определенностью, отличающейся от качественной определенности составляющих его предметов. Наряду с неконечным дискретным множеством выделяется также конечное собирательное множество предметов. Качественная определенность собирательного множества отличается от качественной множественности составляющих его предметов.

Собирательное множество представляет собой «совокупность однородных предметов, составляющих или понимаемых как одно целое, т. е. как единица, противостоящая другой совокупности, тоже понимаемой как одно целое, т. е. опять как другая единица [6, с. 190]. Обозначая совокупность, понимаемую как единое целое, собирательные существительные обычно выступают в форме единственного числа. В собирательном существительном диалектически сопряжены два значения – значение реального множества предметов, которое рецессивно, т. е. отступает на задний план, и значение виртуального единичного предмета, которое доминантно, т. е. выдвигается на передний план. С доминирующим значением вполне коррелирует форма ед. ч. Доминантность значения единичности формально обосновывается, в частности, тем, что многие собирательные существительные в форме ед. ч. имеют соотносительные формы множественного числа, которые выражают неконечное дискретное множество (*ельник – ельники, стадо – стада*). Триаде «один предмет – дискретное множество предметов – собирательное множество предметов» в логике соответствует триада «единичное понятие – общее понятие – собирательное понятие».

Подчеркивая специфику собирательных имен, В. Ф. Асмус пишет: «Собирательные понятия соединяют в себе свойство общих и единичных понятий. Так же, как общие понятия, они охватывают или представляют целый класс предметов. Так же, как посредством единичных понятий, посредством собирательных понятий мыслится единичный предмет. Однако мыслимый посредством их единичный предмет существует в качестве единичного только для мысли. В действительности единство его складывается из множества, причем реально существует – в качестве предмета – именно множество, а не единство» [1, с. 37].

Мы можем выдвинуть гипотезу о существовании универсальной функционально-семантической «категории множественности». Развернутое теоретическое осмысление этой категории предложено А. А. Холодовичем, который выделяет особую «катеорию множества» и трактует ее как содержательную, соотносящую понятия «множества» и «единичности» (которые представляют ее субкатегории) и дифференцирует несколько типов таких противопоставлений. Для нас наиболее важными представляются следующие три основных типа:

1. Дискретное множество отражает «прерывную», «точечную» сумму единиц и в силу этого обладает потенцией к разным видам приблизительного, общего или фиксированного счета (руки, столы, все столы; много (мало), несколько рук, столов; два, три стола). Центральным способом передачи этого значения является категория числа.

2. Собирательное множество представляет собой «сращенное», «непрерывное» единство, допускающее лишь виртуальное вычленение составляющих его час-

тей, счет которых в рамках данного типа невозможен. Этот тип значения передается либо лексическими либо лексико-грамматическими (словообразовательными) средствами. В русском языке представлен набор словообразовательных моделей, передающих переход как от значения дискретной единичности к собирательному множеству (*береза – березняк*), так и наоборот (*горох – горошина*).

Оба названных типа множественности предполагают объединение однотипных предметов; они противопоставлены третьему типу, где множественность состоит из разнородных элементов. Отношения между значениями единичности и множества здесь аналогичны отношениям видовых и родовых значений. Это и есть третий тип.

3. Неоднородное множество: *сахар (фруктовый, молочный) – сахара* [6, с. 224].

В языке множественность выражается либо комбинацией грамматических и лексических, либо только лексическими средствами. Изучением этой проблемы занимались Л. А. Бирюлин, Н. Б. Бахтин, С. Е. Яхонтов, которые и стимулировали дальнейшую разработку теории.

Языковая квантификация состоит в выражении количественных характеристик знаменательных слов: существительных, глаголов, прилагательных, наречий. Совокупность качественно однородных референтов, охватываемых лексическим значением слова, составляет первичную, номинативную сферу квантификации данного значения. Диапазон номинативной квантификации простирается от универсальной референтной области, определяемой сигнификативным значением слова, до единичного представителя данного класса референтов. Каждый единичный представитель некоторого класса референтов может иметь свою квантификативную структуру, определяемую количественным соотношением его компонентов (*лес – ‘множество деревьев’*). Поскольку эти компоненты имеют свое самостоятельное обозначение (*деревья*), гипонимически соотнесенное с обозначением исходного референта (*лес*), т. е. являются элементами другой референтной области, их количественная характеристика выходит за рамки номинативной квантификации исходного референта, составляя сферу его вторичной, гипонимической квантификации. У имен квантификационное значение словоформы практически всегда очевидно, так как оно складывается из имплицитного квантификационного значения лексемы (единичное – собирательное) и из категориальных показателей числа и актуализируется в рамках словоформы.

У имени изоморфизм между реальным количеством предметов и характером их осмысления языковыми средствами нарушается только на одной ступени – при лексической номинации (собират. множ.), когда группа предметов *березняк*, т. е. некоторое единое множество, обладающее общим признаком (‘березы, растущие вместе’), обозначается одним словом, имеющим значение новой относительной единичности.

Собирательное множество представляет собой «сращенное, непрерывное» единство, обладающее лишь виртуальным вычленением составляющих его частей, счет которых в рамках данного типа невозможен. Этот тип передается лексическими или лексико-грамматическими (словообразовательными) средствами. Если множество состоит из разнородных предметов, то отношения между значениями единичности и множества аналогичны отношениям видовых и родовых значений. Неоднородное множество: *масло (растительное, животное, техническое) – масла*.

Структура категории неоднородной множественности сложна и представляется тремя разновидностями, каждая из которых имеет свою специфику в противопоставлении значений единичности и множества. Эта специфика связана со следующими параметрами: 1) какой объект принимается за единичный; 2) на каком

языковом уровне реализуется противопоставление единичности – множественности; 3) какова «чистота» выражения противопоставления (возникают ли сопутствующие значения); 4) какова степень лексической и грамматической автономности субкатегорий – представляют ли они собой оппозицию форм одного слова или это независимые слова.

В случае дискретной множественности за исходную единицу квантификации принимается тот объект, который выступает в качестве денотата именной лексемы, значение единичности здесь не зависит от того, является ли он действительно единичным предметом или представляет совокупность единичных предметов. Значение множественности в этом типе – это значение суммы единичных объектов названного типа. В случае собирательной множественности репрезентантом значения «единичности» выступает объект, представляющий собой единичный предмет объективного мира, субкатегория может быть выражена только именами, называющими подобные единичные предметы. Значение множества соотносится не просто с суммой единичных предметов, а с образуемой новой общностью, качественно новой, выражающейся специальной лексемой (например, *березняк*) и, помимо имплицитного значения собирательной множественности, получает еще и значение дискретной единичности.

Таким образом, связь между субкатегориями ослабляется. В третьем типе множественности – неоднородной, значения еще более разобщены. Множества здесь – это сумма разнородных объектов, каждый из которых неоднороден другому, но суммировать их можно, благодаря наличию какого-то общего, обычно родового признака. Значения лексем, репрезентирующие единичность – множественность, соотносятся с разными уровнями абстракции. Единичность – конкретна и имеет собственный денотат, множество – абстрактно и не имеет конкретного денотата.

Собирательные имена можно рассматривать как класс имен, иллюстрирующих положение о наличии у неисчисляемых существительных предикатных смыслов. Существительные такого типа исследуются во многих работах по русской грамматике и лексикологии такими авторами, как А. Ф. Бондаренко [2], В. З. Демьянков [3], Вл. Краевский [4], В. С. Храковский [7].

Как уже говорилось ранее, вопрос о том, входят ли в данную категорию собирательности только имена, лишённые формы множественного числа (*студенчество, зверьё, листва*), или также существительные, обладающие полной числовой парадигмой (*народ, коллектив, группа*), окончательно не решен. Если рассматривать семантический инвариант категории как представление множества в виде единицы, к собирательным следует относить имена обоих типов. Однако объекты, обозначаемые словами *народ, коллектив, армия, роща*, представляются в языке в качестве отдельных, относительно целостных и поэтому способных исчисляться. Эти имена сочетаются с числительными – *три студенческих группы*, в то время как денотаты имен *студенчество, учительство* неисчисляемые. Мы не можем сказать *два учительства*. Совокупности, называемые такими существительными, как *студенчество*, формально представлены в языке как недискретные. Однако подобная языковая выраженность не соответствует действительной природе этих множеств и их восприятию человеком. Большое число имен рассматриваемого типа обозначает множества людей. Элементы любого множества людей в нашем восприятии физически отделены друг от друга, и каждый воспринимается как нечто индивидуальное (хотя не всегда конкретизированное). Поэтому семантика имен типа *студенчество* вряд ли может сводиться к семе множества и семе недискретности. Не мотивированная реальными свойствами денотатов сема недискретности порождает дополнительное значение, отсутствующее у вещественных и абстрактных существитель-

ных. Для того чтобы доказать реальность этого особого смысла, надо выяснить, как в языке обнаруживается значимость индивидуального объекта.

Степень индивидуности определяется тем, до какого предела – до вида или отдельного элемента – человек обычно устанавливает различия у единиц тех или иных классов. Лингвистическая индивидуность проявляется в том, можно ли дать собственное имя объекту. Собственные имена получают, главным образом, люди и с меньшей степенью необходимости – животные. Вещи и растения – лишь в очень немногочисленных случаях. Так, каждый человек в человеческой оценке обладает существенными индивидуальными признаками, в то время как растения и вещи во множестве обычно воспринимаются как просто отдельные единицы.

Именование множества людей как «сплошной массы» становится основой для возникновения у имен признаков, в частности оценочных, а не чисто денотативных значений. Такие значения выражают отношение говорящего к множеству, обозначенному именем, к каким-либо признакам этого множества. Оценочные свойства неисчисляемых имен, обозначающих множества, наиболее очевидно проявляются в сфере номинации людей. Множества на *-ств(о)* обозначают оценку особого рода, к ним относятся только имена человеческих существ. Существительные типа *молодежь* передают оценку «важно», с помощью которой оценивается то или иное выводимое из предложения свойство множества, обозначаемого именем, действие, осуществляемое этим множеством, или отношение, в которое оно входит. Эта оценка «важно» не соотносится ни с одним полюсом оценки «хорошо или плохо». Эта оценка, скорее, интеллектуального типа, нежели эмоционального. *Он представитель студенчества*. Мы можем толковать двояко: 1) группа студентов избрала лицо, как представителя своих интересов; 2) субъект воплощает в себе некоторые признаки класса студентов. Замена во втором значении словом «студенты» уничтожает возможность второго понимания. Нельзя употребить слово «типичный» (как признак класса).

Способность существительных на *-ств(о)* привносить в высказывание содержание, соотносящееся с емой «типичный», объясняется тем, что они выражают смысл «важно». Словосочетание *история человечества* мы не можем заменить на множественное число, так как потеряется значение «важно». Высказывание *Студенчество сидело на скамейке* малопримлемо и приобретает оттенок ироничности. Это говорит о том, что в представлении большинства носителей языка это действие малозначительно.

Существительные на *-жо* и *-ня* содержат в своей семантике значение «плохо» – *офицерё, воронё, солдатня, шоферня*. Данная оценка обладает эмоциональной природой. Предметом ее является множество как таковое, независимо от свойств, приписываемых в предложении. Негативные признаки позволяют представить множество как сплошную массу, как бы лишают его элементы всякой самостоятельной ценности.

Множества же, обозначаемые именами типа *рваньё, старьё* включает предметы разного наименования, между которыми имеются видовые отличия. *Старьё* – старые книги, мебель, одежда. Это повышает значимость элементов и служит предпосылкой возникновения оценки. Некоторые имена выражают оценку «много» – наименования растений и вещей: *вишеньё, каменьё, листва*. Большой объем множества может представлять несущественной даже отдельность их составляющих, так как они не обладают значимыми индивидуальными признаками. Семантический потенциал имен сингулятивов – обозначений множества, позволяющий выделить некоторые признаки множества, данными именами реализуются не полностью.

Оценка образует смысловой инвариант категории собирательности, представляя важную семантическую функцию данной категории. Лишены оценочности

имена с общим признаком «социальные группы» типа *крестьянство*, у которых формальным признаком принадлежности к собирательности является принадлежность к сингулятивам и отсутствие сочетаемости с числительным. Но наличие предикатных элементов в их семантике проявляется не так отчетливо, свойство, которое становится предметом оценки, может быть прямо эксплицировано в предложении.

Собирательные имена способны соотноситься с имплицитными модальными структурами, ср.: *Студенчество участвует в борьбе за мир – Студенты участвуют в борьбе за мир, и это важно*. Модальные построения могут быть поставлены в соответствие тем собирательным существительным, которые имеют оценку «важно».

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы: собирательные существительные, обобщая признаки класса, приобретают способность прилагаться ко всему классу и к каждому из элементов класса. Качественная определенность собирательного множества отличается от качественной множественности составляющих его предметов. Значение виртуального единства у существительных этой категории является доминантным. Мыслимый посредством их единичный предмет существует в качестве единичного только для мысли. Единство его складывается из множества, и реально существует множество, а не единство. Нарушение между реальным количеством предметов и их осмыслением присутствует при лексической номинации. Неоднородные собирательные существительные представляют сумму разнородных, но имеющих общий родовой признак объектов.

Таким образом, собирательные имена существительные представляют собой «сращенное, непрерывное» единство, обладающее только виртуальным вычленением его частей.

Библиографические ссылки

1. **Асмус В. Ф.** Логика / В. Ф. Асмус. – К., 1947.
2. **Бондаренко А. Ф.** Семантика сложноподчиненного предложения / А. Ф. Бондаренко. – Кишинев, 1984. – С. 13.
3. **Демьянков В. З.** Специальные теории интерпретации в вычислительной лингвистике / В. З. Демьянков. – М., 1988. – 328 с.
4. **Краевский Вл.** Проблемы онтологической категории причины и следствия / Вл. Краевский // Закон. Необходимость. Вероятность. – М., 1967. – С. 307–308.
5. **Платон.** Государство. – М., 1971. – (Соч. в 3-х т. / Платон; т. 3, ч. 1).
6. **Холодович А. А.** Проблемы грамматической категории / А. А. Холодович. – Л., 1979. – 304 с.
7. **Храковский В. С.** Типология интерактивных конструкций / В. С. Храковский. – Л.: Наука, 1989. – 296 с.

Надійшла до редколегії 12.04.08